

М. Брун

**Записки императорского
Новороссийского
университета**

Том 37

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
М11

М11 **М. Брун**
Записки императорского Новороссийского университета: Том 37 / М. Брун –
М.: Книга по Требованию, 2014. – 64 с.

ISBN 978-5-4241-4585-8

Записки императорского Новороссийского университета. Том 37.

ISBN 978-5-4241-4585-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

говъ» ¹⁾, что ея паденіе нельзя было предвидѣть за нѣсколько столѣтій до его наступленія, что самая смерть ея была не столько органической, сколько насильственной, и что, предоставленная самой себѣ, она пережила бы всевозможные внутренніе кризисы, подчинилась бы духу времени и перешла бы въ новыя вѣка обновленной и прогрессирующей?

Настоящимъ изслѣдованіемъ мы вносимъ свою посылку въ ту область исторической литературы, которая стремится возстановить истинный обликъ Византіи. Наша задача въ частности—показать, что въ IX и X вв., когда Византія успѣла уже пройти половину своего историческаго пути, ея жизнѣнность не подлежала никакимъ сомнѣніямъ. Мы хорошо понимали, что доказать такое положеніе возможно только послѣ всесторонняго изученія Византіи въ эту эпоху. Но мы точно такъ же сознавали, что такой трудъ далеко превзошелъ бы наши силы. Поэтому нашъ анализъ принялъ болѣе скромные размѣры: мы ограничились изученіемъ одного уголка византійскаго міра, Южной Италіи, въ ту эпоху, когда Византія достигла здѣсь наибольшаго преобладанія въ культурномъ и въ политическомъ отношеніяхъ. Нами руководило соображеніе, что *ex ungue leopem*: если послѣдняя способна была оказывать за своими предѣлами вліяніе, сопровождавшееся какими нибудь положительными результатами, то очевидно, что она представляла собою организмъ здоровый, дѣятельный и отнюдь не склонный умирать.

I.

Σ. Ζαμπλίου. *Ιταλοελληνικά, ήτοι κριτική πραγματεία περί των εν τοις αρχαιοις Νεαπολεως ανεκδοτων ελληνικων περιγραφων*. Εν Αθηναις, 1865. — *Lenormant*, *La Grande Grèce, paysages et histoire*, 2 vol., Paris, 1881. — *Paparrigopoulos*, *Histoire de la civilisation hellénique*, Paris. 1878. — *Rambaud*, *L'empire Grec au X-me siècle*, Paris. 1870.

Южная Италія и Сицилія пережили нѣсколько этнографическихъ переворотовъ. Въ древности здѣсь были цвѣтущія

¹⁾ *Montesquieu*, *Grandeur et décadence des Romains*, chap. XXIII.

греческія колоніи, звучала эллинская рѣчь, господствовали греческіе нравы и учрежденія. Въ Агригентѣ Эмпедоклъ проповѣдывалъ свою теорію любви и ненависти, въ Элеѣ Зенонъ отрицалъ движеніе, а Парменидъ бытіе; въ Кротонѣ процвѣталъ пифагорейскій союзъ, глава котораго возвѣщалъ міру ученіе о числахъ и гармоніи. Въ Сиракузахъ Архимедъ мечталъ о томъ, какъ бы повернуть рычагомъ всю землю, а Платонъ хотѣлъ осуществить свою государственную теорію. Сибаритяне прославились своей изнѣженностью, а легкомысленные тарентинцы не могли не хохотать надъ акцентомъ римскаго посла. Такъ вся страна сдѣлалась чисто греческой; всѣ ручки автохтоновъ слились въ эллинскомъ морѣ.

Но уже надвигались съ сѣвера неутомимые римляне, превосходившіе всѣ народы древняго и новаго міра искусствомъ ассимилировать побѣжденныхъ. Уже въ первомъ вѣкѣ имперіи греческое населеніе, не выдержавъ столкновенія съ романизмомъ, утрачиваетъ свои національныя черты. Страбонъ пишетъ: «Здѣсь греки были до того могущественны, что вся страна «свиѣсть съ Сициліей называлась Великой Греціей, теперь же «исключая Тарента, Регіума и Неаполя, все обращено въ варварство», т. е. романизовано. Подняли голову древніе, подавленные греками, элементы населенія, «луканы, бруттійцы и кампанцы, но въ сущности и они романизованы» ¹⁾). Понемногу падаютъ и послѣдніе очаги эллинизма. Въ VI в. близъ Сквиллаче, на южной оконечности Калабріи, въ монастырѣ Виваріи живетъ великій министръ готскихъ королей, Кассіодоръ, изъ сочиненій котораго видно, что греческій элементъ исчезъ безъ слѣда. Вся долготѣняя государственная дѣятельность Кассіодора была направлена къ защитѣ романизма противъ наступающаго византизма. Въ своихъ законахъ, въ своихъ научныхъ

¹⁾ Strab., L. VI, § 2... ἐπὶ τοσοῦτον ἤξηντο, ὥστε τὴν μεγάλην Ἑλλάδα ταύτην ἔλεγον καὶ τὴν Σικελίαν. Νυνὶ δὲ πλὴν Τάραντος, καὶ Ῥηγίου, καὶ Νεαπόλεως ἐκβεβαρβάρωσθαι συμβέβηκεν ἅπαντα, καὶ τὰ μὲν Λευκανούς, καὶ Βρεττίλους κατέχειν τὰ δὲ Καμπανούς. Καὶ τούτους λόγῳ, τὸ δ' ἀληθές Ῥωμαίους, καὶ γὰρ αὐτοὶ Ῥωμαῖοι γέγονασιν

и литературныхъ произведеніяхъ онъ стремился отстоять римскія традиціи во что бы то ни стало и для этого шелъ на компромисъ съ готами. Послѣдніе должны были вмѣстѣ съ кореннымъ населеніемъ составить противовѣсъ грекамъ. Монастырь, построенный Кассіодоромъ, напоминалъ своимъ уставомъ и жизнью братіи бенедиктинскіе монастыри ранняго времени: это была латинская академія, гдѣ изучали латинскій языкъ и произведенія римской литературы; греческій языкъ изучали, какъ иностранный, и то лишь для ознакомленія съ сочиненіями греческихъ отцовъ церкви¹⁾).

Такъ было въ VI в. А въ X Южная Италія представляетъ уже совершенно иной видъ. На мѣстѣ Виваріи стоитъ монастырь ордена св. Василія. Вся страна сдѣлалась опять греческой. Какъ произошла эта перемена? Въ былое время, когда господствовалъ старый взглядъ на Византію, на этотъ вопросъ отвѣчали, не задумываясь. Говорили, что древнія до-рическія колоніи сохранились незамѣтно для бдительнаго ока римлянъ вплоть до среднихъ вѣковъ, когда онѣ очнулись отъ своего долговѣчнаго сна и распространили эллинизмъ по всей южной оконечности полуострова. Эта теорія игнорировала всѣ явные доказательства исчезновенія древняго эллинизма. Ея представителямъ и въ голову не приходило, что языкъ и нравы калабрійскихъ грековъ прямо указываютъ на византійское происхожденіе. Понятно, иначе пришлось бы отказаться отъ традиціонныхъ воззрѣній на Византію, допустить, что средневѣковые греки обладали способностью ассимилировать себѣ другіе народы, способностью, замѣчающейся только у культурныхъ, здоровыхъ, живучихъ націй. И однакоже, это такъ. Документы, найденные и обнародованные Замбеліемъ, доказали безспорно, что средневѣковые эллины Южной Италіи пришли изъ Византіи.

Не смотря на паденіе готской монархіи, Южная Италія при Юстиніанѣ Великомъ и долго послѣ него оставалась рома-

¹⁾ Lepoint, II, p. 381.

низованной. Латинскій языкъ слышался въ одинаковой степени въ Отверной Италіи и въ Калабріи. Византія не имѣла никакого интереса вводить греческую рѣчь насильно въ своихъ провинціяхъ: латынь была официалънымъ языкомъ въ самомъ Константинополѣ, по гречески же говорилъ лишь простой народъ. Точно такъ же Византія не трогала и церковей Южной Италіи. Епископы въ Калабріи и Апуліи въ VI и VII вв. были всѣ латиняне и подчинялись папѣ; Византія старалась ослабить значеніе послѣдняго въ христіанскомъ мірѣ и возвысить восточнаго патріарха, но ни одинъ изъ константинопольскихъ императоровъ этого времени не оспаривалъ верховной власти римскаго епископа надъ южно-итальянскими церквами. Нѣтъ сомнѣній, что въ извѣстной степени Византія была далека отъ національныхъ стремленій, благодаря могуществу ея враговъ, лонгобардскаго королевства и особенно беневентскаго герцогства. Такъ, въ Южной Италіи римское право, кодифицированное Юстиніаномъ Великимъ, уступило мѣсто лонгобардскому. Послѣднее дѣйствовало въ Калабріи и Апуліи даже въ X в., когда Великая Греція снова сдѣлалась эллинской страной, и въ XI в., при первыхъ норманскихъ герцогахъ ¹⁾.

Драгоценные документы, найденные Замбеліемъ въ неаполитанскомъ архивѣ, показали, что еще въ VII в. въ Южной Италіи господствовалъ латинскій языкъ, но что въ X в. греческій языкъ сталъ преобладать на столько, что вытѣснилъ своего соперника даже изъ домашняго употребленія. Замбелій выставилъ и доказалъ на основаніи этихъ документовъ то положеніе, что эллинизмъ Южной Италіи былъ дѣтищемъ Византіи; но сверхъ того онъ построилъ блестящую гипотезу, возведенную путемъ провѣрки данныхъ на степень историческаго факта, гипотезу о причинной связи эллинизма Великой Греціи съ иконоборствомъ.

По тѣмъ идеямъ, которыя легли въ его основу, и по тѣмъ цѣлямъ, которыя оно преслѣдовало, иконоборство было вполне

¹⁾ *Lenormant*, II, p. 385.

родственнымъ явленіемъ съ реформаціей XVI в. и революціей XVIII в. ¹⁾). Свѣдѣнія, дошедшія о немъ до насъ, отрывочны и въ большинствѣ случаевъ искажены: когда иконоборческое движеніе кончилось, друзья стараго порядка вещей употребили всѣ свои усилія, чтобы изгладить изъ воспоминанія человечества имена и дѣянія реформаторовъ или же представить ихъ въ превратномъ свѣтѣ. Благодаря этимъ реакціонерамъ, втеченіе цѣлыхъ столѣтій, вплоть до нашихъ дней, потомство имѣло самое одностороннее понятіе о религіозномъ и соціальномъ движеніи: его окрестили иконоборствомъ, какъ будто уничтоженіе иконъ было главнымъ или единственнымъ мотивомъ вѣковой борьбы. Въ дѣйствительности же истинной задачей этой византійской реформаціи было противодѣйствіе гангрень, развѣдавшей весь государственный строй.

Втеченіе VI и VII вв. стремленіе къ монашеской жизни достигло небывалой высоты. Монастыри размножились до того, что государство стало походить на сплошную огромную обитель; сотни тысячъ праздныхъ людей срывались за монастырскими стѣнами отъ тревоженій житейскихъ, въ то время, какъ персы, авары и арабы грозили положить конецъ дальнѣйшему существованію государства. Солдаты бросали оружіе въ минуту опасности, и правительство должно было пополнять ряды наемниками, интересы которыхъ шли, быть можетъ, въ разрѣзъ съ тѣми, что требовалось для блага отечества. Императоръ Маврикій († 602) попытался ограничить право солдатъ вступать въ монастырь, но его декретъ вызвалъ бурю со стороны духовенства. Въ то же время развитіе монашества вело за собой экономическое разстройство. Владѣнія монастырей занимали весьма значительную часть страны и вслѣдствіе принадлежавшаго имъ права иммунитета, составляли для государства мертвый капиталъ. Вся тяжесть государственныхъ налоговъ ложилась на свѣтскихъ собственниковъ; мелкіе землевладѣльцы не

¹⁾ По нашему мнѣнію, *Leumont* (II, p. 395) не правъ, пытается ослабить значеніе иконоборства; греческихъ историковъ въ данномъ случаѣ невозможно упрекать въ ложномъ патріотизмѣ.

могли устоять подъ ихъ непосильнымъ бременемъ. Оттого институтъ частной поземельной собственности, окончательно освященный Юстиніаномъ, сталъ съ неизмѣрною быстротой приносить свои плоды; мелкое землевладѣніе стало падать, сельское населеніе переходить въ крѣпостничество, и всѣ земли, не принадлежавшія еще монастырямъ, становиться собственностью немногихъ крупныхъ богачей (*булато*, сильные люди). Экономическія отношенія сдѣлались до того ненормальными, что даже самое безопасное правительство не могло болѣе ихъ игнорировать. Умственное и нравственное состояніе общества также заставляло задумываться. Люди погрязли въ грубомъ суевѣріи; полководецъ проигрывалъ сраженія, потому что ему внушали, что надъ нимъ тяготѣетъ гнѣвъ Вождіи; народъ боготворилъ иконы и мощи, такъ что казалось, будто воскресли времена идолопоклонства. Религіозной терпимости не существовало даже относительно христіанъ, думавшихъ нѣсколько иначе, чѣмъ господствующая церковь; ея не было и въ остальномъ христіанскомъ мірѣ, но нигдѣ она не вела къ столькимъ столкновеніямъ, какъ въ Византіи, потому что нигдѣ не было столько сектъ, какъ въ отечествѣ ерестики и діалектики.

Противъ этихъ золъ были направлены удары уже въ предшествовавшіе вѣка. Особенно религіозныя аномаліи встрѣчали протестъ со стороны мыслящихъ людей. Въ Малой Азійи возникла демократическая секта Павліціанъ, которая доводила свое ученіе до окончательнаго разрыва съ государственною церковью. Павліціане не признавали никакихъ обрядовъ и принадлежностей культа, ни креста, ни иконъ, ни мощей, ни св. таинствъ. Они отвергали почти всѣ священныя книги, кромѣ Евангелія, даже Ветхій Заветъ. Они не нуждались, поэтому, въ особомъ духовенствѣ; у нихъ были лишь «толкователи закона», своею внѣшностью и образомъ жизни не отличавшіеся отъ мірянъ. Еще менѣе возможно было существованіе монашескаго сословія среди этихъ апостоловъ свободы совѣсти. Павліціане не шли въ монастырь; они отличались образцовымъ трудолюбіемъ во время мира и храбростью на войнѣ. Правда, это были еретики,

но и вполне благонамѣренные мужи, даже представители духовенства, громко заявляли о необходимости реформъ. Въ концѣ V в. епископъ Гіераполиса, Филоксенъ, воспретилъ почитаніе иконъ въ своей епархіи. Епископы Теодоръ, Ома и Константинъ были главными инициаторами иконоборства въ VIII в. Дѣятельность Льва III подготовлялась втеченіе многихъ лѣтъ; уже въ 713 г. императоръ Филиппикъ издалъ указъ противъ иконъ. Реформы Исавра встрѣтили сочувственный откликъ, какъ въ высшемъ духовенствѣ, такъ и въ арміи¹⁾.

Благодаря преобразованіямъ императоровъ иконоборцевъ государство приняло иной видъ. Исчезло господство евнуховъ и связанныя съ нимъ безчеловѣчныя наказанія. При дворѣ императоровъ воцарилась чистота нравовъ; царицы стали обращать свою благотворительность не на монастыри, а на устройство пріютовъ для сиротъ и подкидышей. Количество монастырей было уменьшено и ихъ нѣвнія отобранны въ казну или же лишены правъ иммунитета. Воспрещеніе культа иконъ и мощей было также ударомъ для монашества, которое получало большіе доходы отъ торговли ими. Школы, находившіяся до тѣхъ поръ въ рукахъ монаховъ, перешли въ вѣдѣніе свѣтскихъ лицъ. Такимъ образомъ, для монашества иконоборство имѣло прежде всего значеніе экономической революціи, какъ на примѣръ, введеніе паровой машины для ремесленниковъ. Уступая измѣнившимся условіямъ, монахи частью разбѣжались, частью взяли назадъ свой обѣтъ отроченія, стали обзаводиться семьями и вступать въ ряды войскъ. Но иконоборческое движеніе не остановилось на противодѣйствіи монашеству; оно пошло гораздо дальше по пути экономическихъ и социальныхъ реформъ. Эти преобразованія выразились въ двухъ законодательныхъ актахъ Льва III, *крестьянскомъ законѣ* и *гражданскомъ уложени* или *эклопъ*, актахъ, которые можно, не колеблясь, отнести къ величайшимъ юридическимъ памятникамъ человѣчества и о которыхъ, тѣмъ не менѣе, знаютъ очень мало. Они дышатъ самыми радикальными нововведеніями. *Крестьянскій законъ* отмѣняетъ

¹⁾ *Paparrigopoulo*, pp. 190 и сл.

patrocinium, обрежаявшій землевладѣльца двойнымъ налогомъ въ пользу помѣщика и въ пользу казны. Въ законѣ нѣтъ болѣе рѣчи о крѣпостныхъ поселянахъ. Наконецъ, законъ санкціонируетъ общинное землевладѣніе, дѣлая этимъ уступку землевладѣльческимъ формамъ, возникшимъ вслѣдствіе иммиграціи славянъ втеченіе послѣднихъ столѣтій. *Эклога* внесла значительное измѣненіе въ брачное право; мужъ и жена были уравнены въ имущественныхъ правахъ; власть матери была сравнена съ властью отца. Сверхъ того, законъ дозволилъ браки между христіанами различныхъ культовъ—между православными и еретиками ¹⁾).

Всѣ эти реформы скрывались подъ внѣшней оболочкой—преслѣдованіемъ иконъ. Такъ часто бываетъ въ исторіи: зная, девизъ говорятъ меньше того, что на самомъ дѣлѣ слѣдуетъ за ними. Борьба за инвеституру, споръ между сторонниками ученій о свободѣ воли и предопредѣленіи, стремленіе къ св. Гробу—все это только заглавные листы, дающіе довольно смутное понятіе объ истинномъ содержаніи великой книги, прикрываемой ими, точно такъ же, какъ названія гвельфовъ и гибеллиновъ, круглоголовыхъ и кавалеровъ, папистовъ и протестантовъ далеко не исчерпывали состава и цѣлей партій, которыя ихъ носили. Оттого всѣ великія историческія явленія имѣютъ общую судьбу—что только отдаленное потомство въ силахъ оцѣнить ихъ по достоинству, подвергнуть анализу элементы, изъ которыхъ они сложились, отдѣлать существенное отъ несущественнаго и отвести каждому соответственное мѣсто. Въ самомъ дѣлѣ, давно ли мы прониклись сознаніемъ, что во всѣхъ, такъ называемыхъ, религіозныхъ движеніяхъ, какъ войны Альбигойцевъ, крестовые походы, реформація XVI в., основнымъ элементомъ были общественныя и экономическія условія? Стоило только всмотрѣться поближе, чтобы убѣдиться, что икономахія и иконолатрія были только знаменами, подъ которыми стояли сторонники двухъ разныхъ направленій не только въ религіозной или вообще умственной, но и въ об-

¹⁾ *Parrigorio*, pp. 205 и сл.

цественной жизни. Впродолженіе 150 лѣтъ вопросъ объ иконахъ служилъ предметомъ горячихъ споровъ и въ литературѣ, и на улицѣ, въ толпѣ, и на вселенскихъ соборахъ, тогда какъ на дѣлѣ борьба шла изъ за болѣе основныхъ вопросовъ государственнаго строя. Уничтоженіе культа иконъ составляло торжество прогресса, восстановление ихъ — побѣду реакціи. Это видно уже изъ того, что монахи—поборники иконъ, находили себѣ откликъ лишь въ самыхъ невѣжественныхъ слояхъ общества—среди женщинъ и городской черни.

Какъ всякое явленіе, затрогивающее разнородные нитересы, иконоборство, кромя внутреннихъ волненій, вызвало броженіе и извѣ. Вспомнимъ, что даже Карлъ Великій счелъ нужнымъ созвать соборъ, чтобы выяснитъ отношенія Запада къ вопросу объ иконахъ. Главнымъ образомъ византійская реформація отразилась въ Италіи. Римскій папа искалъ только случая, чтобы съ наименьшимъ рискомъ отложиться отъ Византіи; этимъ случаемъ сдѣлалось иконоборство. Онъ поднялъ знамя возстанія и нашелъ поддержку въ коренномъ населеніи и въ лонгобардахъ. За то мелкіе южно-итальянскіе владѣтели привѣтствовали иконоборство. Неаполитанскій епископъ Сергій I и герцогъ Эксиларатъ открыто примкнули къ нему. Эксиларатъ сжегъ всѣ иконы въ Неаполѣ и выступилъ въ походъ противъ папы Григорія II. Его примѣру послѣдовалъ герцогъ Клуя, который увлекъ за собою гаетскаго герцога ¹⁾. Эта готовность повиноваться велѣніямъ Византіи въ религіозномъ отношеніи вытекалъ изъ политическаго состоянія полуострова. Мелкимъ князьямъ было выгоднѣе подчиняться далекому Константинополю, чѣмъ близкому Риму. Мы увидимъ ниже, какъ и позже, по окончаніи иконоборства, въ IX в. южно-итальянскія герцогства, особенно Неаполь, искали поддержки противъ жадности Рима въ Византіи. Всѣ эти княжества быстро вернулись въ лоно римской церкви, но тѣмъ не менѣе остались подъ главенствомъ Византіи; правда, и послѣдняя держалась очень мудрой политики.

¹⁾ Запеллосъ, р. 195.

Левъ III не настаивалъ на исполненіи своего иконоборческаго эдикта тамъ, гдѣ это могло повести къ разрыву: Римъ отложился не по вниѣ императора, а благодаря папѣ, которому нуженъ былъ только предлогъ. Византійское правительство смотрѣло сквозь пальцы и на тотъ радушный пріемъ, который оказывала вся Италия, даже оставшіяся ему вѣрными провинціи, десятками тысячъ эмигрантовъ, сторонникамъ иконъ. Тѣмъ не менѣе, Левъ III старался всѣми силами удержать за собою то, что еще можно было. Въ то время, какъ экзархъ Эвтихій продолжалъ еще борьбу съ папой, онъ издалъ эдиктъ, которымъ всѣ иллирійскія, сицилійскія и южно-итальянскія церкви освобождались отъ супрематіи преемника св. Петра и переходили во власть патріарха. Съ тѣхъ поръ втеченіе 300 лѣтъ Сицилія и Южная Италия были въ церковномъ отношеніи подвластны Константинополю; въ С. Северино, Ахеронтѣ, Россано, Реджіо, Галлиполи, Кастраветерѣ, Бари, Отранто, Тарентѣ, а въ IX в. и въ Неаполѣ, во всѣхъ этихъ и другихъ городахъ сидѣли греческіе протопапы (архіепископы) и девтеры (епископы)¹⁾. Они являлись на вселенскіе соборы въ Константинополь и Никею, за что Византія давала имъ всевозможныя привилегіи и дары. Это продолжалось вплоть до норманскаго завоеванія.

Спасая себя и предметы своего культа, поборники иконъ толпами устремились въ Италію, къ папѣ. Послѣдній принялъ эмигрантовъ съ распростертыми объятіями, помѣстилъ многихъ изъ нихъ въ монастыри бенедиктинскаго ордена, сталъ заводить греческія школы и строить базилианскіе монастыри. Когда при Константинѣ Копронимѣ преслѣдованіе иконъ усилилось, бѣгство въ Италію сдѣлалось эпидемическимъ. Мало по малу эмигранты стали находить себѣ пріютъ и въ областяхъ, подчиненныхъ Византіи. Никто изъ переселенцевъ не приходилъ съ пустыми руками: у однихъ была чудотворная икона или кусокъ животворящаго креста, у другихъ мощи и священ-

¹⁾ Запмѣлок, pp. 62, 63; 192, 193.